

А. П. Мартемьянов

Еще раз о сельских виллах Нижней Мезии и Фракии
(По поводу книги В. Динчева
«Римските вили в днешната българска територия»)*

Книга болгарского археолога В. Динчева «Римские виллы на современной болгарской территории» является первой обобщающей монографической работой, посвященной сельским виллам Нижней Мезии и Фракии. Актуальность такого рода исследования представляется несомненной. Раскопки усадеб устроенных по италийскому примеру вилл обеспечивают возможность не только существенно расширить представление о хозяйственной жизни, степени экономической романизации населения провинций, но и, в известной мере, судить о различном рода социальных связях владельцев, управляющего и рабочего персонала сельских вилл. Поэтому вопрос о том, насколько типичными были такие хозяйства для провинциального мира, носит с точки зрения изучения социально-экономической организации общества Римской империи во многом принципиальный характер. Это в полной мере относится и к восточнобалканским провинциям Рима, основная часть территории которых находилась в пределах современной Болгарии. Попытка установить, по возможности, точное количество обнаруженных там к настоящему времени сельских вилл, классифицировать их, определить региональные особенности и проследить исторические судьбы имений этого типа во фракийских землях в первых веках н. э. предпринимается в рецензируемой монографии.

В основной своей части книга состоит из трех глав.

Первая глава — «Историография и актуальные проблемы изучения римских вилл на современной болгарской территории» (с. 9–24) — в значительной мере посвящена методологии исследования сельских вилл. Краткий обзор историографии проблемы приводит автора к выводу, что современное состояние изучения вилл Нижней Мезии и Фракии выдвигает на первый план как наиболее актуальные следующие вопросы: их «дефиниция и идентификация; классификация и социально-экономическая интерпретация; хронология, периодизация и региональная специфика» (с. 10).

По определению В. Динчева, сельские виллы — это «обособленные посредством соответствующей земельной собственности хозяйственные единицы с автономной организацией и непосредственной реализацией производственного процесса». Вместе с тем, подчеркивает автор, *villa rustica* являлась и особой формой поселения. Одна из примечательных ее особенностей заключалась в известной обособленности от других населенных пунктов, и это обстоятельство необходимо учитывать, отождествляя с виллами те или иные постройки римского времени (с. 12).

В целом, наметившуюся в последние десятилетия проблему идентификации археологических объектов с сельскими виллами В. Динчев решает, исходя из уверенности в том, что главной отличительной чертой организации виллы как самостоятельной производственной единицы являлось неперемное присутствие на ней собственника, посто-

* Динчев В. Римските вили в днешната българска територия. — София: Агато, 1997. — 163 с.

янное или временное. В соответствии с этим, *обязательным* признаком виллы исследователь считает наличие хозяйских жилых помещений, в которых усматривает центральное звено всего архитектурного облика ее усадьбы. «Степень представительности» господской части, по его мнению, свидетельствует и о размерах поместья. Именно на этой гипотезе основывается предложенная В. Динчевым классификация сельских вилл Нижней Мезии и Фракии, суть которой заключается в следующем: «Виллы без представительной жилой части (I группа) предполагают имения с ограниченными возможностями, т. е. имения средних собственников. Виллы с представительной жилой частью (II группа) предполагают имения с более значительными возможностями... принадлежат преимущественно крупным собственникам провинциального масштаба. Виллы-резиденции (III группа) соответствуют наиболее крупным имениям», которые принадлежали либо государству в лице представителей его высшей администрации во главе с императором, либо связанным с ней каким-то образом частным лицам, являвшимся «крупными собственниками в общеимперском масштабе» (с. 14–18).

Разработанная В. Динчевым периодизация истории сельских вилл Фракии и Нижней Мезии основана на том обстоятельстве, что большинство из них прекращает свое существование в результате различных варварских нашествий. С учетом этого автор выделяет в их истории 4 основных периода: А — со второй половины I в. н. э., когда во фракийских землях появляются первые виллы, до нашествия костобоков в 170 г.; В — до варварских нашествий середины III в.; С — до готских нашествий 70-х годов IV в.; D — до гуннских нашествий 40-х годов V в., когда гибнут последние виллы, известные на этой территории (с. 20).

Большая часть объема книги приходится на вторую главу — «*Описание объектов. Идентификация, классификация и хронология*» (с. 25–114). В ней В. Динчев обстоятельно характеризует, группируя их в соответствии со своей классификацией, все те известные в болгарских землях археологические памятники, которые принято отождествлять с виллами. Наряду с этим, специальное внимание уделяется объектам, которые, по мнению автора, идентифицированы с виллами преждевременно или в принципе ошибочно (с. 94–108).

Все эти материалы составляют основу имеющей характер развернутого заключения третьей главы монографии — «*Развитие римских вилл на современной болгарской территории. Общая характеристика и региональная специфика*» (с. 115–137). Содержащиеся в ней авторские обобщения и выводы могут быть в основном¹ сведены к следующему.

Всего ко времени написания книги на землях Болгарии было открыто 33 римские виллы. 6 из них В. Динчев определяет как виллы без представительной жилой части (I группа его классификации), 18 — как виллы с представительной жилой частью (II группа), 4 — как виллы-резиденции (III группа). В остальных пяти случаях однозначная интерпретация жилой части усадеб затруднительна и можно лишь констатировать их принадлежность к виллам I или II групп (с. 115–119, карта 1).

Тенденции распространения и исторического развития вилл римского времени не были едиными в пределах всей современной болгарской территории и имели определенную региональную специфику, соответственно, к северу и к югу от Балканских гор, к западу и к востоку от долин рек Искыр и Места (с. 131–137).

Наивысший расцвет сельских вилл в восточнобалканских землях приходится на период с 70-х годов III в. до 70-х годов IV в. н. э. (в соответствии с периодизацией

¹ В главе затрагиваются и некоторые другие вопросы, однако варианты их решения, предлагаемые В. Динчевым, вряд ли можно считать новыми. Например, суть небольшого раздела, посвященного характеристике экономики вилл, сводится к тому, что их ведущей производственной отраслью было земледелие, во многих хозяйствах успешно развивались скотоводство и различные ремесла, продукция которых могла принимать товарную форму (с. 129–131). Все это, разумеется, хорошо известно специалистам, равно как и материалы, на которые ссылается автор, аргументируя данное заключение.

В. Динчева — период С), что было обусловлено укреплением и возрастанием в то время роли крупных имений провинциального и общеимперского масштаба (с. 123–125).

Таково, в общих чертах, содержание книги. Остановимся на некоторых ее теоретических положениях, касающихся предложенного В. Динчевым варианта классификации вилл.

Прежде всего приходится отметить, что различия между характером хозяйских помещений отдельных усадеб не всегда настолько отчетливы, чтобы с достаточной уверенностью говорить о *степени* «представительности» господской части вилл и, соответственно, однозначно относить их к той или иной группе. В таких случаях многое оказывается в зависимости от авторской интерпретации археологического материала, а она может порождать вопросы. Например, почему виллу у с. Невестино, в отчете о раскопках которой [1] конкретная информация о предназначении отдельных помещений вообще отсутствует, В. Динчев относит к числу вилл-резиденций (с. 83), а виллу у г. Ивайловград с великолепной мраморной облицовкой стен и мозаиками [2, 3] — нет (с. 58–60)? Что позволяет считать «представительной» жилую часть виллы у железнодорожной станции Искыр [4, с. 407–409] — только использование при ее строительстве известкового раствора и наличие бани (с. 49–50), и т. п.? Кроме того, результаты раскопок некоторых вилл попросту не дают возможности аргументированно судить о характере их господской части. Несколько таких комплексов В. Динчев объединяет в особую категорию, которую определяет как «виллы без представительной жилой части или хозяйственные части вилл с представительной жилой частью» и полагает, что они могли относиться либо к I, либо ко II группам его классификации (с. 72–73). Однако трудно не заметить, что эти усадьбы, по существу, *вообще «выпадают»* из данной классификации, так как основания, необходимые для отнесения их к *какой бы то ни было* из групп, отсутствуют.

Разумеется, подобного рода неувязки неизбежны, наверное, при любом варианте классифицирования, ибо ни одна схема не может учесть всего разнообразия археологического материала. Поэтому важнее другое, а именно: установить, насколько основополагающий признак классификации В. Динчева является *принципиально* оправданным. Сам автор, судя по всему, считает его единственно верным, что следует, в частности, из фразы, касающейся интерпретации археологического объекта первых веков н. э. у г. Казанлык: «Предположение Г. Табаковой-Цановой и Т. Овчарова о *вилле* богатого землевладельца, в которой проживали *только обслуживающие*, является *методологически* ошибочным, так как идет вразрез с *сущностью и дефиницией villa rustica*» (Курсив мой — А. М.) (с. 102–103). Однако данное утверждение основывается исключительно на трактовке виллы самим В. Динчевым, который считает жилище собственника *обязательным* ее элементом и усматривает в нем, «во-первых, основную часть комплекса виллы; во-вторых, надежный индикатор состояния и возможностей имения» (с. 14). Но насколько это соответствует *античным* представлениям о сельской вилле? Ведь ни один из римских авторов, писавших о ней и, естественно, прекрасно знакомых с реалиями своего времени, не указывает на наличие апартаментов владельца как *непременную* черту архитектурного облика деревенской усадьбы. Показательно и то, что на ранней стадии своего существования и в Италии, и в провинциях хозяйских помещений, отличавшихся особым комфортом, не имели, вероятно, многие, особенно небольшие, усадьбы, по другим характеристикам вполне отвечавшие римским представлениям о вилле [5, с. 57–59; 6, с. 164–165]. В свете этого мнение В. Динчева о «жилище собственника как ядре в структуре и центре в схеме виллы» (с. 17) выглядит, в значительной мере, умозрительным.

Трудно разделить в полной мере и уверенность автора в существовании прямой связи между характером господской части виллы и экономическими возможностями имения. Такая связь, несомненно, имела место во многих случаях, но, видимо, не всегда. Наглядным примером тому во фракийских землях может служить вилла, раскопанная

в с. Кралев дол близ г. Перник. По определению В. Динчева, она не имела «представительной» жилой части (с. 28–32) и, тем не менее, судя по данным раскопок, несмотря на скромный характер жилых помещений, это было процветающее хозяйство [7, с. 54–55]. Многое могло зависеть и от отношения владельца к своему загородному имению: усматривал ли он в нем прежде всего источник дохода или, подобно Плинию Младшему (Epist., II, 17; V, 6), любимое место отдыха и встреч с друзьями. Хорошо известно и то, что принципа «усадыба — по имени» владельцы вилл придерживались далеко не всегда (Varr., I, 13, 67; Col., I, 4, 6; Plin., NH, XVIII, 32). Наконец, не следует исключать возможности, что некоторые сельские усадьбы могли быть центром лишь части, а не всего имения. Все это вынуждает, признавая за классификацией В. Динчева, как, впрочем, и любой иной, полное право на существование, относиться к ее теоретическому обоснованию скептически.

Тем не менее, книга В. Динчева, несомненно, очень полезна, особенно в той ее части, которая посвящена характеристике археологических объектов, обычно интерпретируемых в научной литературе как сельские виллы. В ней не только дана достаточно полная сводка данных об этих памятниках, но и, что важно, приведена авторская аргументация принципиальной возможности их идентификации с виллами. Очевидно, следует согласиться с мнением В. Динчева о том, что не все строительные сооружения, которые принято связывать с виллами, относились к такого рода хозяйствам. Судя по архитектурным особенностям и материалам археологического изучения ближайших окрестностей некоторых построек, они действительно могли быть военными укреплениями, усадьбами жителей сел или находиться в городской черте (с. 94–103; см. также: 8, S. 33–48). Эти уточнения обязательно следует учитывать при дальнейшем изучении социально-экономической истории Нижней Мезии и Фракии.

В конечном счете, В. Динчев, как уже упоминалось, приходит к выводу, что на территории современной Болгарии открыты 33 сельские виллы римского времени. Это заключение представляется особенно важным, так как до недавнего времени в специальной литературе преобладало мнение Д. Николова, отмечавшего, что общее количество римских вилл, известных в восточнобалканских землях, уже в начале 80-х годов прошлого века равнялось примерно 200 [9, с. 59, 67–68; 10, с. 320]. Добавляю лишь, что, по всей вероятности, с виллами могла быть связана и часть тех построек, которые В. Динчев определяет как «преждевременно идентифицированные с *villae rusticae*», отмечая, что имеющаяся к настоящему времени информация о них допускает возможность и иной интерпретации (с. 103–108). К примеру, архитектурный облик античной усадьбы у с. Могилец, ныне входящего в Омуртагскую общину Разградской области, и характер найденного при ее раскопках археологического материала [11, с. 26–35] вполне соответствуют традиционным представлениям о сельской вилле. Относительно же обнаруженных неподалеку следов античного поселения замечу, что его наличие отнюдь не противоречит идентификации этой усадьбы с виллой: судя по данным эпиграфики, такие имения могли непосредственно граничить с землями сел [CIL, III, № 14447; 12, р. 194]. Последнее обстоятельство, кстати, позволяет, на мой взгляд, считать вероятной и интерпретацию как виллы уже упоминавшегося античного хозяйственного комплекса у г. Казанлык [13, с. 25–49], а это означает, что, возможно, имели отношение к виллам даже какие-то из числа тех археологических объектов, отождествление которых с ними В. Динчев считает однозначно ошибочным. Если такого рода предположения оправданны, можно говорить о том, что число сельских вилл, открытых к настоящему времени в Болгарии, приближается к 40. В связи с этим представляется примечательным, что в статье о виллах в Нижней Мезии и Фракии, написанной мною в середине 80-х годов XX в., нашли отражение материалы раскопок на болгарской территории 38 сельских усадеб [14, с. 164, карта ²]. Если исключить из этого количества те постройки, которые,

² Вилла у совр. с. Мошнень близ г. Мангалия находится в румынской части Добруджи.

следует согласиться с В. Динчевым, вилами, очевидно, не являлись, и добавить к нему усадьбы, о которых мне тогда не было известно, то также получается число, близкое к 40. При этом необходимо отметить, что, интерпретируя археологические памятники как виллы, я ориентировался, с определенными оговорками, на критерии, предложенные Ж.-Ж. Горжем, которые позволяют учитывать не только местоположение и архитектурно-строительные особенности усадеб, но и характер связанной с ними хозяйственной деятельности [15, р. 14–16]. А это означает, что и несколько иной путь решения проблемы ведет к заключению, сходному с тем, к которому приходит В. Динчев.

Таким образом, несмотря на содержащиеся в ней спорные положения, монография В. Динчева, несомненно, актуальна и может представлять интерес для исследователей социально-экономической истории фракийских земель в первых веках н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов Й.* Отчет за разкопките при Кадин Мост, Кюстендилско//Известия на Българското археологическо дружество. — 1910. — Т. 1.
2. *Младенова Я.* Античната вила Армира край Ивайловград. — София, 1991.
3. *Младенова Я.* Римската вила при Ивайловград. Мраморна стенна декорация. — София, 1975.
4. *Велков И.* Римска вила при гара Искър//Известия на Българския археологически институт. — 1938. — Т. 12.
5. *Кузицин В. И.* Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э.—I в. н. э. — М., 1973.
6. *Ляпустина Е. В.* Виллы в западных провинциях Римской империи//ВДИ. — 1985. — № 1.
7. *Найденова В.* Римската вила в с. Кралев дол, Пернишки окръг//Разкопки и проучвания. — 1985. — Кн. 14.
8. *Völling T.* Befestigte Villae Rusticae oder militärische Kleinkastelle? Anmerkungen zu drei Fundplätzen im bulgarischen Binnenland//Archaeologia Bulgarica. — 2000. — № 2.
9. *Николов Д.* Тракийската вила при Чаталка, Старозагорско//Разкопки и проучвания. — 1984. — Кн. 11.
10. *Николов Д.* Организация на селското стопанство в Римска Тракия//Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. — 1984. — Т. 77. — Ч. 2.
11. *Овчаров Д.* Вила рустика до с. Могилец, Търговищко//Археология. — 1969. — Кн. 1.
12. *Vulpe R.* Histoire ancienne de la Dobroudja//La Dobroudja. — Bucarest, 1938.
13. *Табакова-Цанова Г., Овчаров Т.* Villa rustica край Казанлък//Известия на музеите от Югоизточна България. — 1976. — Т. 1.
14. *Мартемьянов А. П.* Римская вила на территории Фракии и Нижней Мезии в I–V вв. н. э.//ВДИ. — 1986. — № 2.
15. *Gorges J.-G.* Les villas hispano-romaines: Inventaire et problématique archéologique. — P., 1979.

